

Симеон, как и все полигисторы XVII в., ощущал себя счастливым обладателем истины. Эту черту барочной культуры отметил еще Г. Вёльфлин: «Барокко было свойственно чувству исключительного своего права на существование и исключительной непогрешимости, как никакому другому стилю».⁷ Это чувство вызывало сознание интеллектуальной элитарности, тем более сильное в московских условиях, что там Симеон чувствовал себя одиночкой. Презрение к неученым «простецам» выражено в «Вертограде многоцветном», в стихотворении «Глас народа»:⁸

Что найпаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает. . .

Опровергая известный афоризм «глас народа — глас божий», Симеон сознательно использовал один риторический прием, разработанный еще Аристотелем: «Следует употреблять изречения. . . , противоречащие ходячим изречениям. . . , в тех случаях, когда <противоречащее> изречение или может показаться лучшим со стороны нравственного смысла, или произносится под влиянием страсти».⁹ Однако все наследие Симеона Полоцкого не оставляет ни тени сомнения в том, что интеллект казался ему непрременным условием совершенства.

Для Аввакума уподобление поэта богу было кощунством, грехом нечеловеческой гордыни. В беседе «о внешней мудрости» он пишет: «Алманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, *уподоблятися богу* своею мудростию начинающе (здесь и ниже подчеркнуто мною, — А. П.), якоже первый блядивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодейца, . . . таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша, . . . и тою мудростию своею *уподобляхуся богу*» (288—289). «Видь, гордоусец и алманашник, твой Платон и Пифагор: тако же их, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и *уподобления ради к богу*. Многи же святии смирения ради и долготерпения от бога прославишася» (290). Только смирение — порука правильного богосознания, страх господень — «внутренняя мудрость», гордыня же — то качество, которое отнимает возможность оправдания независимо от заслуг: «Мерзко богу горделиваго и доброе дело» (465).

⁷ Г. Вёльфлин. Ренессанс и барокко. СПб., 1913, стр. 15.

⁸ Опубликовано в кн.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 119.

⁹ Аристотель. Риторика. С греческого перевела Надежда Платонова. СПб., 1894, стр. 125.